

Интеграция религиозного и детективного дискурсов в рассказах Г. К. Честертона

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

М. К. Оводова

Аннотация

Исследование посвящено изучению феномена интердискурсивности, под которым в наиболее обобщённом виде сегодня понимается взаимодействие одного вида дискурса с различными видами других дискурсов, проявляющееся на языковом и когнитивном уровнях. Целью работы является выведение уровней интеграции религиозного и детективного дискурсов на примере рассказа Г. К. Честертона. Выделенные уровни для анализа интеграции дискурсов включают в себя: уровень композиции дискурса, функциональный уровень и уровень языковых средств. Например, являясь центральной фигурой повествований, отец Браун исполняет две роли — священника и сыщика, объединяя таким образом два дискурса. Используемые методы дискурсивного и лексико-стилистического анализов речевых актов главного героя показали, как религиозный дискурс вплетается в детективный посредством подобранных лексико-стилистических средств, выполняющих функции убеждения, назидания и разъяснения, тем самым ещё больше обостряя заложенную в детективный дискурс проблему борьбы добра со злом.

Ключевые слова: интердискурсивность, религиозный дискурс, детективный дискурс, интеграция, Библия.

В рамках заявленной темы мы будем рассматривать такой феномен как интердискурсивность, который в настоя-

щее время является одним из перспективных направлений исследования в рамках современной лингвистики.

Исследование интеграции дискурсов берет своё начало в концепции диалогизма М.М. Бахтина, теории знаковых систем и понятия “семиосферы” Ю.М. Лотмана. Основоположник дискурсивного анализа М. Фуко считал дискурс совокупностью “анонимных, исторических, детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху, для данного социального, экономического или лингвистического общества, определили условия” для осуществления высказывания [Фуко 2004]. Французский исследователь ставил вопрос о дискурсивном единстве, однородно и применимо ли оно. Согласно его работе, “Анатомия знаний”, любое произведение представляет собой систему отсылок к другим текстам, предложениям, которые не всегда бывают равнозначными [Фуко 2004].

Интердискурсивность понимается как введение в текст определённого типа дискурса “инодискурсных” элементов, которые проявляются на поверхностном, т.е. языковом уровне, и на глубинном, когнитивном, уровне [Белоглазова 2010]. В свою очередь О.В. Соколова определяет интердискурсивность как “диалогические дискурсивные отношения” [Соколова 2014:21]. Более того, она уточняет, отмечая когнитивную и надтекстовую категорию интердискурсивности, которая предполагает перенесение принципов организации одного дискурса на другой, при этом не обязательно включает один текст в другой [там же]. В своём исследовании И.В. Зыкова выделяет два этапа изучения интердискурсивности, где на первом этапе интердискурсивность благодаря трансформации дискурса ведёт к образованию нового произведения, а на втором — акцентируется на “построении вербальной структуры дискурса” [Зыкова 2021: 71], что приводит к появлению нового произведения.

Отмечая не только когнитивную, но и культурологическую направленность данного феномена, В. Е. Чернявская представляет интердискурсивность как “переключение” реципиента на иную систему знаний, культурных кодов, это взаимодействие ментальных структур и фреймов в процессе текстопроизводства. При помощи определённой взаимосвязи языковых единиц производится этот переход в сознании реципиента от одного типа дискурса к другому, что создаёт неизгладимый эффект [Чернявская 2007]. Н. С. Олизько также придерживается идеи о взаимодействии “дискурса с различными видами других дискурсов: религиозным, философским, научным и т. д.” [Олизько 2007].

В результате анализа различных подходов к пониманию феномена под интердискурсивностью мы будем понимать взаимодействие одного дискурса в текстовом пространстве другого, проявляющееся на языковом и когнитивном уровнях.

Перейдём к рассмотрению основных черт детективного и религиозного дискурсов. Детективный дискурс можно определить как одну из разновидностей личностно-ориентированного дискурса [Карасик 2002], которое непосредственно направлено на художественное общение автора и читателя [Дудина 2008]. Исследователь И. А. Дудина представляет детективный дискурс в виде схемы: “писатель — художественное расследование — читатель — развлечение”, где задачей автора является сформировать своего читателя, “вовлекая его в процесс сотворчества” [Дудина 2008:8]. Эту же особенность детективного дискурса подтверждает Е. Н. Меркулова, указывая на его отличие от любой другой разновидности художественного дискурса в специфичности реализации интенций автора с целью программирования восприятия реципиента [Меркулова 2022].

Сходство детективного и религиозного дискурсов усматривается прежде всего в вечной борьбе добра со злом, что само по

себе предполагает нравственное начало и отсылку к первоисточнику этого принципа — к Библии и христианским ценностям.

Особый интерес представляет исследование П.А. Моисеева, который подчеркивал, что детектив, как разновидность художественного дискурса, содержит эксплицитные и имплицитные отсылки к Священному Писанию, не только потому что он относится к этому типу дискурса, но ещё и потому, что сама сущность жанра предполагает связь с христианством, обращение к нравственному аспекту преступления [Моисеев 2017].

Для более глубокого понимания связи детективного дискурса с религиозным, нам необходимо сказать несколько слов о последнем. В своём исследовании Е. В. Бобырева отмечает, что религиозный дискурс относится к институциональному дискурсу, что ставит его в одном ряду с художественным. Но первый выделяется среди прочих особым набором концептов, такие как Бог, дух, душа, наказание страх и т. д. Ценности в религиозном дискурсе выражаются не только в прямой форме проповеди, но и в форме иносказания, притчи, а также в “повествовании, когда логика сюжета является фактором убеждения” [Карасик 2002:224]. К целям религиозного дискурса относятся, приобщение человека к Богу, очищение души, призыв к покаянию, утверждение в вере, разъяснение вероучения [там же].

К формам религиозного дискурса относятся проповедь, молитва, притча. Притча совмещает в себе признаки художественно-религиозного дискурса, где в основе лежит принцип аналогии. В.И. Тюпа выделил основные характеристики притчи: компактность сюжета, акцентированная роль деталей, строгость композиции, точность словесного описания, опора на пресуппозиционные знания реципиента [Тюпа 2009:211]. Такие характеристики могут быть присущи кратким детективным рассказам, которые существуют вне времени и пространства, реальные персонажи помещены в ирреальные ус-

ловия, при этом в рассказах часто выражаются повседневные человеческие желания и эмоции, которые доступны и понятны простому читателю. Структура детектива лаконична: “преступление — расследование — разоблачение — суд”, в которой уже выстраивается аллегорический, нравоучительный смысл.

Мы рассмотрим, как детективный дискурс взаимодействует с религиозным на материале английской детективной прозы начала XX века, в частности, в рассказе Г. К. Честертонна “The Blue Cross”.

Прежде всего в ходе нашего исследования мы выделяем уровни проявления интеграции дискурсов. На уровне композиции дискурса мы находим эту интеграцию в следующих пунктах: намерения собеседников, роли участников дискурса. Функциональный уровень: функции религиозного дискурса внедряются в дискурс детективный. На уровне языковых средств: лексико-стилистический: использование метафор, возвышенного стиля, встречающийся в речи священника, образность и аллегория приводимых им примеров.

В процессе создания рассказов о Патере Брауне Г.К. Честертон отмечал, что правда может быть выражена только в форме притчи, поэтому каждый из рассказов об Отце Брауне является своего рода притчей. Честертон придерживался определённого принципа: лучшие религиозные учителя не говорят о религии; они учат людей как открыть Бога в жизни. В своих работах английский писатель эксплицитно выражает ценности католического вероисповедания, каждый его рассказ можно назвать некой формой евангелизации [Boyd 2013]. Помещая своих героев в созданную художественную реальность, писатель иносказательно подводит читателя не только к пониманию греховности действий, но структурирует такую модель, в которой главным оказывается внутренняя мотивация человека, его духовное состояние, а не только физически совершен-

ный им грех (кража, убийство и т.д.). Вплетая в канву детективного дискурса религиозный, автор тем самым не только влияет на изменение взглядов героев произведения, но и убеждает читателя в истинности христианских взглядов путем оппозиции, где на одной стороне праведность и честность, а на другой грех. В рассказе Г.К. Честертон главным героем является католический священник — детектив-любитель, что непременно подразумевает включение религиозного дискурса в дискурсивную канву детектива. Отец Браун — или “агент” дискурса, совмещает в себе роли детектива и священника, а преступник — “клиент”, грешник, объект убеждения.

Приведём отрывок, иллюстрирующий интеграцию детективного и религиозного дискурсов.

The other priest raised his austere face to the spangled sky and said: “Yet who knows if in that infinite universe?” “Only infinite physically,” said the little priest, turning sharply in his seat, “not infinite in the sense of escaping from the laws of truth.”...

“Reason and justice grip the remotest and the loneliest star. Look at those stars. Don’t they look as if they were single diamonds and sapphires? Well, you can imagine any mad botany or geology you please. Think of forests of adamant with leaves of brilliants. Think the moon is a blue moon, a single elephantine sapphire. But don’t fancy that all that frantic astronomy would make the smallest difference to the reason and justice of conduct. On plains of opal, under cliffs cut out of pearl, you would still find a notice-board, ‘Thou shalt not steal.’” (G. K. Chesterton. The Blue Cross).

В данном отрывке представлен финальный диалог между отцом Брауном и вором. По сюжету известный вор Фламбо переодевается в католического священника с целью кражи сапфирового креста, являющимся церковной реликвией.

В соответствии с выделенными нами уровнями интеграции дискурсов, в данном отрывке мы видим эксплицитное

пересечение ролей из детективного и религиозного дискурсов в образе патера Брауна, в задачи которого входит раскрытие преступления, как сыщика, и назидание, наставление на путь истины, как священника. Тем самым фокус внимания смещается в сторону христианского вероучения.

На функциональном уровне религиозный дискурс проявляется при помощи функции убеждения. Отец Браун выступает скорее как священник, реализуя свою прямую обязанность — спасение души, сначала он применяет ряд хитростей по предотвращению физической кражи реликвии, затем переходит к словесному убеждению собеседника, тем самым насыщая контекст детектива языковыми и стилистическими средствами, обостряющими вечный конфликт добра и зла, а также человеческой греховной сущности. Тем самым акцент смещается не на физически совершённом преступлении, но на возникший в душе грех.

Лингвистические средства, используемые в приведённом выше отрывке, непосредственно указывают на специфику религиозного дискурса, которому присущи возвышенный стиль, рассуждение о вечном, нетленном, духовном (*God, reason, church, infinite universe, the laws of truth*). Применение религиозного дискурса в предложенном контексте преследует задачу убеждения в греховности мотивов собеседника, Фламбо, посредством образности и иносказания (*is a blue moon, a single elephantine sapphire; forests of adamant with leaves of brilliants*). Апеллируя названиями драгоценных камней, отец Браун подводит к одной из главных заповедей Декалога “Не укради” — “*Thou shalt not steal*”, тем самым вербально пытаясь предотвратить грех, который уже зародился в мыслях Фламбо, исходя из Библейского принципа: *when lust hath conceived, it bringeth forth sin (похоть же зачав, рождает грех) [Jm 1:15]*.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод, что религиозный дискурс определённым образом интегрируется в детективное произведение, создавая новую реальность. Религиозный дискурс меняет локацию, если изначально он используется в определённом месте, то в контексте детективного дискурса он приобретает новое направление, детективная история становится притчей, имея сходство по структуре и цели, приобретает аллегорический оттенок с христианским смыслом. Посредством стратегий рассуждения, наставления и разъяснения, а также особого выбора лексико-стилистических средств автор интегрирует религиозный дискурс внутрь детективного текста, тем самым переводя фокус внимания читателя с детективной загадки на более глубокие, духовные ценности.

Список литературы:

1. Белоглазова Е.В. Интердискурсивность // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost> (дата обращения: 10.06.2023). [Beloglazova, Elena V. 2010. Interdiskursivnost' (Interdiscursivity). *Diskurs Pi. № 1–2*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost> (Accessed: 10.06.2023).]
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-diskurs-tsennosti-i-zhanry> (дата обращения: 10.06.2023). [Bobyreva, Ekaterina V. 2008. Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry (Religious discourse: Values and genres) *Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Understanding. Skill)* 1. 162–167. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-diskurs-tsennosti-i-zhanry>. (Accessed: 10.06.2023).]

3. Зыкова И. В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 65–85. [Zykova, Irina V. 2021. Interdiskursivnost' kak lingvokreativnaya apropiaciya diskursov: avangard i Andrej Tarkovskij (Interdiscursivity as a linguo-creative characteristic of discourses: Avangard and Andrey Tarkovsky). *Slovo.ru: baltijskij akcent. (Slovo.ru: Baltic Accent)*. 12 (4). 65–85.]
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 477. [Karasik, Vladimir I. 2002. *Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs (Language circle: personality, concepts, discourse)*. Volgograd: Peremena.]
5. Олизько Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник ЧелГУ. 2007. № 15. С. 95–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (дата обращения: 10.06.2023). [Oliz'ko, Natal'ya S. 2007. Interdiskursivnost' kak kategoriya postmodernistskogo pis'ma (Interdiscursivity as a category of postmodern writing). *Vestnik ChelGU (Bulletin of Chelyabinsk State University)*. 15. 95–104. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma>. (Accessed: 10.06.2023).]
6. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с. [Sokolova, Ol'ga. V. 2014. *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdejstviya: poeticheskij avangard, reklama i PR. (Typology of discursively active influence: poetic avant-garde, advertising, etc.)* Moscow: Gnozis.]
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с. [Foucault, M. 2004. *Arheologiya znaniya (Archeology of knowledge)*. St. Petersburg: IC Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.]
8. Boyd, Ian. 2013. *The Sacramental Principle of G.K. Chesterton*. [Online] Available from: <https://www.convivium.ca/articles/the-sacramental-principle-of-g-k-chesterton/> (Accessed 3.06.2023).

Сведения об авторе:

Оводова Мария Кирилловна, аспирант, Московский Государственный Лингвистический Университет, Москва, Россия; ovodova.mary@yandex.ru

THE INTEGRATION OF RELIGIOUS AND DETECTIVE DISCOURSES IN SHORT STORIES BY G.K. CHESTERTON

Maria K. Ovodova

Post-graduate student of Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia; email: ovodova.mary@yandex.ru

Abstract

The research deals with the study of the phenomenon of interdiscursivity, which is understood in the most generalized way as the interaction of one type of discourse with various types of other ones, manifested at the linguistic and cognitive levels. The aim of the research is to deduce the levels of integration of religious and detective discourses on the example of a detective story by G.K. Chesterton. The selected levels for the analysis of the integration of discourses include: the level of the composition of the discourse, the functional level and the level of linguistic means. For example, being the central figure of the detective, Father Brown plays two roles — a priest and a detective, thus combining two discourses. The employed methods of discursive and lexico-stylistic analysis of the protagonist's speech acts showed how religious discourse is intertwined with the detective one through selected lexico-stylistic means that perform the functions of persuasion, edification and clarification, thereby further exacerbating the problem of the struggle between good and evil inherent in detective discourse.

Keywords: interdiscursivity, religious discourse, detective discourse, integration, the Bible.